

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЮВЕНАЛИЗАЦИИ ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Василий Степанович Юрчук, канд. юрид. наук,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
vJurchuk@miiv.ru,
Московский университет имени С. Ю. Витте
<http://www.miiv.ru>

Михаил Викторович Измайлов, канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин,
Государственный гуманитарно-технологический университет
<http://ggtu.ru>

В данной статье рассматриваются основные подходы к обеспечению ювенализации права. Дается анализ современной правоприменительной практики в области ювенальной юстиции по гуманизации правосудия в отношении несовершеннолетних детей.

Дан краткий исторический экскурс становления и развития терминов «ювенальное право», «ювенальное законодательство». В статье представлены различные позиции с точки зрения позитивного и естественного права, а также проблематика ювенального права, ювенального законодательства, ювенальной юстиции.

Рассмотрена ювенальная терминология, применяемая законодателем в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.

Ключевые слова: ювенализация права, ювенальное законодательство, ювенальное право, ювенальное правосудие, «ответственное родительство».

«Согласно Всеобщей декларации прав человека, – отмечается в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы, – дети имеют право на особую заботу и помощь. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьи, материнства и детства. Подписав Конвенцию о правах ребенка и иные международные акты в сфере обеспечения прав детей, Российская Федерация выразила приверженность участию в усилиях мирового сообщества по формированию среды, комфортной и доброжелательной для жизни детей» [1].

В этих положениях определены принципиальные ориентиры, направления и задачи государственной политики в интересах детей, ее правового обеспечения. Весьма противоречивый процесс формирования среды комфортной и доброжелательной для жизни детей ресурсами права, с нашей точки зрения, и отражается понятием «ювенализация права».

В широком историко-правовом контексте ювенализация права выражается в эволюции правовой субъектности, их правового статуса.

«Развитие социального и правового статуса детей началось с полного их бесправия, безграничной власти родителей, в том числе дисциплинарной... через постепенное ограничение этой власти, превращение ее в родительские права до установления контроля за их осуществлением, ответственности родителей и признания за несовершеннолетними качества специального привилегированного субъекта права» [2], мнение которого в ряде случаев подлежит обязательному учету, а его личность, принадлежащие ему субъективные права и интересы – всемерной защите.

Эволюционное, противоречивое развитие правовых возможностей детей, их правового статуса априори обуславливало и эволюционные изменения в процедурах, в механизмах реализации этих возможностей.

В.С. Юрчук

М.В. Измайлов

Глобальная ювенализация права, с теми или иными особенностями, осуществляемая в системах национального законодательства, как процесс более эффективной защиты прав и интересов детей есть объективная, устойчивая тенденция. Ювенализация современного российского законодательства отражает эту глобальную тенденцию, направленную на эффективную защиту прав и интересов детей ресурсами права.

Ювенализация права в современной России охватывает процессы, происходящие в правовой идеологии, в правовой политике, в правовой психологии, в правовой культуре, в законотворчестве, в механизмах реализации права, в правовом воспитании и в юридическом образовании. Автор любого правового исследовательского проекта не может игнорировать дискуссии о правопонимании, модели формируемой правовой национальной системы, быть безучастным к их содержанию. Плюрализм различных позиций в современном правопонимании актуализирует важность теоретико-методологической, мировоззренческой позиции по поводу того, в рамках какой из многочисленных правовых концепций (парадигм) осуществляется конкретное правовое исследование – в контексте классической модели юридического позитивизма с его акцентом на жесткую нормативность права, на правотворческий, правоприменительный монополизм государства, на доминанту правового принуждения, или в контексте естественной теории права с ее акцентом на генетичность прав и свобод личности, на предельную аксиологичность всего личного, частного, на демократизм правовых отношений, многосубъектность правотворческой, правоприменительной деятельности, или в контексте других концепций правопонимания.

Исследования правовых основ реализации Стратегии предопределяется прежде всего смыслом Конституции РФ, Всеобщей декларации прав человека (резолюция 217 А Генассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.). С одной стороны, в статье 1 Всеобщей декларации прав человека утверждается равенство всех людей [3], с другой – в статье 2 Конституции РФ записано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [4], а в статье 17, пункт 2 отмечается, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» [4].

Таким образом, концептуальное ядро Всеобщей декларации прав человека и Конституции РФ образуют идеи, положения естественно-правовой парадигмы, которые любой отечественный исследователь не вправе игнорировать. Но естественно-правовые положения Конституции РФ по-разному интерпретируются представителями отечественных позитивистски ориентированных школ и направлений теоретического правоведения, представителями иных концепций правопонимания.

Выдвигаются и обосновываются тезисы о том, что естественно-правовые новеллы Конституции – это лишь дань времени, но не правовые нормы, а некие идеологические, политические конъюнктурные декларации. Некоторые правоведы полагают, что естественно-правовые вкрапления в текст Конституции РФ отражают не правовые реалии, а лишь нечто должное в праве, являясь ориентиром для будущих правовых феноменов.

Мы придерживаемся научно-методических, мировоззренческих позиций тех правоведов, которые обосновывают интегральную парадигму права, в соответствии с которой в современной правовой системе России в той или иной мере сочетаются как естественно-правовые начала, зафиксированные к тексту Конституции РФ, так и начала юридического позитивизма, некоторые идеи, положения которого представлены в ней и доминируют в сфере правовой политики государства, в текущей законотворческой деятельности.

Анализ современного права, правоприменительной практики позволяет заметить тенденцию гуманизации правовых отношений, особенно тех, которые затрагивают интересы детей. Данная тенденция проявляется через ювенализацию российского законодательства в интересах детей. Ювенализация затрагивает все отрасли отечественного законодательства, все сегменты правоприменительной практики, массовое правосознание, правовую идеологию и правовую политику государства.

С нашей точки зрения, тенденция ювенализации российского законодательства в интересах детей имеет устойчивый характер, хотя ее проявления сопряжены с немалыми противоречиями, проблемами как объективного, так и субъективного характера.

В современном праве несовершеннолетних детей, а в более широком смысле в праве подрастающего поколения представлен диалектически противоречивый ансамбль самых различных интересов: социальных, экономических, властно-политических, духовно-идеологических – не только самих представителей молодого поколения, но и государства, различных групп, слоев взрослого населения, взрослых членов семейных сообществ.

Известно, что сущность, бытие права проявляются в правоотношениях субъектов, причем участники этих отношений в разной мере наделены субъективными правами, обременены субъективными правовыми обязанностями, причем право посредством юридических норм определяет границы этих субъективных прав, которые заканчиваются для конкретного лица там, где начинаются права и свободы другого лица.

Как позитивные, так и негативные процессы, происходящие в современном обществе, неизбежно приводят к расширению сферы общественных отношений с участием несовершеннолетних; многие из этих отношений нуждаются в социальном регулировании, в том числе в правовом воздействии. Это означает неизбежный рост массива правовых норм, регулирующих общественные отношения с участием детей как особой группы субъектов, что предполагает систематизацию этих норм [5].

Очевидно, что расширение тех или иных прав несовершеннолетних детей, становление их реальной правовой субъектности ведет к уменьшению различного рода «патерналистских» прав иных субъектов права по отношению к ребенку как объекту правового воздействия, правового принуждения, правового насилия.

Многие не готовы к подобному развитию правовых отношений, не готовы к перераспределению прав и обязанностей в тех юридических отношениях, участником которых становится подрастающее поколение. Конфликт «отцов» и «детей» в праве носит как объективный, так и субъективный характер. Ювенализация права отражает сущность данного правового конфликта, его остроту, стадии разрешения.

Противоречивость этих процессов, безусловно, сказывается на плюрализме понимания самого термина «ювенальное право» и производного от него термина «ювенальное законодательство».

В современном теоретическом правоведении представлены различные позиции понимания проблематики ювенального права, ювенального законодательства, ювенальной юстиции, теории ювенального права.

Сторонники одного из них полагают, что на современном этапе развития отечественного права, отечественного законодательства с его сложившейся отраслевой специализацией нет достаточных оснований для использования терминов «ювенальное право», «ювенальное законодательство» в качестве отражающих некий целостный сегмент правовой реальности.

По мнению В. С. Толстого, ювенальное право может рассматриваться лишь как научная дисциплина. Нормы права, которые регулируют отношения с участием несовершеннолетних граждан, рассредоточены в большом количестве нормативных правовых актов. Они содержатся в Гражданском, Трудовом, Семейном, Уголовном, Уголовно-исполнительном кодексах... В связи с этим современная законодательная техника не позволяет объединить нормы о правовом положении несовершеннолетних в едином акте. Нет и оснований говорить об отрасли ювенального права.

Ювенальное право в современных условиях – это отрасль науки, которая изучает множество норм, определяющих статус несовершеннолетних граждан и регулирующих отношения с их участием, принадлежащих к разным отраслям права [6].

Действительно, ныне нет достаточных оснований вести речь об особой отрасли отечественного ювенального права или ювенального законодательства, ибо оно существует в несистематизированном виде.

Но в этой ситуации остается открытым и вопрос о предметном поле теории ювенального права как отрасли науки. Логично предположить, что В. С. Толстой в своих размышлениях и выводах исходил из того, что теория ювенального права есть комплексная межпредметная правовая теория, которая является частью теории прав человека. Но тогда мы должны признать, что безосновательно вести речь о феномене «право человека», хотя мы повсеместно употребляем, к примеру, термин «право собственности».

Как нам представляется, не может быть теории ювенального права без реалий, без практики ювенального права. Сторонники другого подхода обосновывают реальное бытие современного ювенального права и ювенального законодательства, хотя и не делая при этом различий между этими терминами.

Как отмечают А. В. Заряев, В. Д. Малков, «ювенальное право – это комплексная отрасль отечественной системы права, объединяющая юридические нормы, регулирующие общественные правоотношения, одной из сторон которых как минимум выступает ребенок (ювенальные правоотношения); формирующая правовой статус несовершеннолетнего как участника этих правоотношений; устанавливающая механизмы правовой защиты несовершеннолетних, а также определяющая полномочия и принципы деятельности системы органов и учреждений, направленной на реализацию и охрану прав и законных интересов несовершеннолетних (органов ювенальной юстиции)» [7].

Ювенальное право в нашем представлении является естественной, органичной частью права как такового, естественным сегментом любой современной правовой системы. Ювенальные нормы права так же органично представлены в действующем законодательстве любого современного правового государства.

Безусловно, феномены ювенального права не вписываются в сложившуюся в нашей стране отраслевую типологию права.

Рассмотрение ювенального права в качестве комплексной отрасли права, как это делают А. В. Заряев, В. Д. Малков, некоторые другие правоведы, в какой-то мере решает проблемы его современной типологизации, но данный подход требует дальнейшего развития и обоснования, в том числе с учетом не стихающих дискуссий по поводу непонимания сторонниками отечественной модели юридического позитивизма и естественной парадигмы права, основные положения которой зафиксированы в ныне действующей Конституции Российской Федерации, в соответствии с которой права любого человека, в том числе и несовершеннолетнего ребенка, естественны и неотчуждаемы, а это значит, что естественно и ювенальное право.

Но ювенальное законодательство каждой цивилизованной страны, в том числе и России, – позитивно, исторично, ситуативно, сотворимо волею законодателя.

Если ювенальное право, рассматриваемое в контексте естественно-правовой парадигмы, представляет собой синтез должного и сущего (существующего), то ювенальное законодательство отражает лишь те правовые феномены ювенальности, которые существуют в реальной правовой жизни.

Таким образом, ювенализация законодательства представляет собой нелинейный процесс выраженности в конкретных нормах права соотношения должного и сущего на той или иной стадии развития правовой системы государства и гражданского общества. Этот процесс характерен для правовой системы современной России, хотя развивается он весьма противоречиво, испытывая чрезмерное влияние многих конъюнктурных политических, идеологических, иных факторов.

В современной научной юридической лексике, в официальном правовом терминоведении международного и национального уровня не сложились универсальные представления о системе категорий, понятий, с помощью которых следует отражать, исследовать объективную устойчивую тенденцию более системной, более эффективной защиты, реализации прав и интересов детей.

Во многих странах представителями различных школ, направлений теоретического правоведения для обозначения особого предметно-проблемного поля жизнедеятель-

ности социума, его молодежной составляющей используют группу терминов, ядро которой образует межпредметная философская, социально-гуманитарная категория «ювенология», призванная адекватно отражать в научном, в обыденном сознании все то, что связано с юностью, с молодостью, с несовершеннолетием.

Многие исследователи рассматривают ювенологию как науку о молодежи, а в более узком смысле – как науку о несовершеннолетних детях определенного возраста, как правило, возраста до 18 лет.

В процессе специализации и философии, и социально-гуманитарных наук и развития специализированного научного терминоведения в научный оборот вводились понятия «ювенальная социология», «ювенальная антропология», «ювенальная психология» и т. д.

В этом специализированном категориально-понятийном ряду получили обоснование и стали активно использоваться в конце XIX – начале XX в. термины «ювенальное право», «ювенальное законодательство», «ювенальная юстиция», «ювенальное судопроизводство».

Заметим, что английская версия *Juvenile*, означающая юность-несовершеннолетие, использовалась в отечественном правоведении XIX – начала XX в. нечасто. В научно-профессиональной лексике того периода, как правило, употреблялись термины «особые суды для юношества», «суды для несовершеннолетних», «правосудие в отношении несовершеннолетних» и ряд аналогичных более понятных терминов.

В советском юридическом терминоведении понятия «ювенальная юстиция», «ювенальное законодательство», «ювенальное право» не применялись, хотя первые годы существования социалистического государства в стране действовали суды по делам несовершеннолетних или в структуре судов общей юрисдикции выделялись специальные составы, которые рассматривали дела несовершеннолетних детей.

Бурное развитие ювенологического юридического терминоведения началось в России с 1990-х гг., в годы постсоветского бытия, хаотичного становления очередной модели национальной правовой системы.

В конце XX – начале XXI в. по различным аспектам правовой, правоприменительной ювенологии были защищены сотни кандидатских, несколько докторских диссертаций, проведено множество международных, национальных, региональных научных, научно-практических конференций, иных научных акций, опубликованы монографии, учебники, учебные пособия. Данная тема освещалась в журналах юридического профиля.

Постепенно интерес к проблеме правовой ювенальности и ювенологической правовой терминологии начал снижаться. В России в последние годы неожиданно сложилось в общественном сознании неприятие словосочетания «ювенальная юстиция» [8]. С этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти. Действительно, за многие годы использования данного термина в понимание его содержания не внесено ничего нового. Это осознают не только профессиональные правоведы, но и представители законодательной федеральной, региональной власти, призванные понимать смысл данного термина, его актуальность и возможность использования в инновационном законодательном процессе.

Стоит заметить, что термин «ювенальная юстиция» практически не используется в международном праве, предметом которого являются проблемы защиты прав, интересов несовершеннолетних, не используется он и в юридической терминологии большинства современных цивилизованных, правовых государств.

Но следует ли из этого вывод о деактуализации самой ювенологически-детской правотворческой, правоприменительной проблематики? С нашей точки зрения, не следует, причем по многим объективным обстоятельствам и субъективным причинам. Выделим главные из них.

1. Процессы экономической, социокультурной, информационной, политической, иной глобализации и регионализации интенсифицировали все формы, типы гендерных,

поколенческих, других публичных отношений, придав им больший демократизм и свободную произвольность.

Хаотизация этих связей и отношений, их определенная анархизация, снижение значимости властно-политических, административных, идеологических регуляций жизнедеятельности априори предполагает возрастание рамочно-правовых регуляций, осуществляемых как национальными правовыми системами, так и нормами соответствующего международного права.

Семьи, несовершеннолетние дети повсеместно вовлечены в эти процессы, причем не только в качестве объектов правового принуждения, но и естественных субъектов права, прав, свобод, реализация которых предполагает расширение объемов, интенсификацию правотворческой, правоприменительной деятельности родителей детей, других взрослых, структур государства, институтов гражданского общества по защите, обеспечению этих разнообразных, многочисленных прав – от права на жизнь, на полноценное питание, до права на личную свободу, индивидуальность, человеческое достоинство.

Ныне большинство государств приняли на себя конституционно-национальные обязательства по защите прав и интересов детей, а ратифицировав Конвенцию о правах ребенка ООН, – и обязательства, вытекающие из норм международного права по наилучшему, приоритетному обеспечению этих прав и интересов.

2. В современной глобальной правовой системе, в большинстве национально-государственных правовых систем развиваются тенденции специализации права, законодательства, правоприменительных методик, технологий по одним основаниям (к примеру, по возрастным или гендерным) и универсализации права, законодательства, правоприменительных методик, технологий – по другим основаниям (к примеру, по основанию комплексности семьи, семейных функций, семейных прав, обязанностей или по основанию системного подхода к борьбе с детской наркоманией).

В силу многих объективных условий, субъективных обстоятельств своеобразным эпицентром подобных правовых тенденций становятся проблемы защиты, обеспечения прав, интересов несовершеннолетних детей.

Защита, обеспечение прав, интересов несовершеннолетних детей детерминирует системные изменения таких феноменов правовой реальности, как правовая идеология, правовая политика, правовая психология, правовая компетентность, правовая культура.

Ювенализация права, безусловно, требует внесения существенных коррективов в комплексную, в специализированную подготовку, переподготовку, повышения квалификации тех, кто занят ювенально-ориентированной правотворческой и правоприменительной деятельностью. Определенная ювенологическая компетентность необходима и родителям, лицам, их заменяющим, различным категориям несовершеннолетних детей, участвующим в защите, в реализации соответствующих прав и интересов.

3. В большинстве цивилизованных стран проявляются тенденции определенной систематизации, логизации многочисленных норм, регулирующих права детей, защищающих их интересы, рассредоточенных по различным отраслям, сегментам законодательства, в том числе и законодательства, определяющего механизмы, процедуры осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних.

К сожалению, в России затянулся этап острых, но не всегда конструктивных дискуссий по поводу ювенально-процессуального законодательства. В качестве первого шага в этом направлении Стратегией предусмотрена подготовка концепции кодификации российского законодательства в части осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних, разработка соответствующих федеральных законов [1, ст. 2994].

4. В современной юридической литературе по вопросам ювенального права предлагается употреблять, в связи с неприятием общественным сознанием понятия ювенальной юстиции, вместо термина «ювенальная юстиция» понятие «ювенальное правосудие», «правосудие по делам несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом» [9].

С нашей точки зрения, проблема имеет более глубинную природу. Действительно, какая-то часть носителей сознания, причем как массового, так и научного, элитарного, профессионально-юридического, весьма критически относится к тому, с чем ассоциирует каждый субъект данного типа сознания словосочетание «ювенальная юстиция». Для одних эти ассоциации связаны с бременем дополнительной ответственности за реализацию своих родительских обязанностей, для других – с необходимостью повышать свою юридическую, педагогическую, психологическую компетентность, для третьих – с необходимостью повышать свою юридическую, педагогическую, психологическую компетентность, для четвертых – это повод для актуализации своих идеологических, политических амбиций, для пятых и иных – это что-то малопонятное, новое, заграничное, либеральное и т. д. и т. п.

В российском обществе с предельной ментальной, мировоззренческой, идеологической, политической несовместимостью стилей мышления и поведения любые новации, в том числе и терминологического характера, априори будут вызывать критическую реакцию. Использование или неиспользование термина «ювенальная юстиция» в российском контексте затянувшегося транзитологического бытия, в том числе и в правовом контексте, не имеет никакого сущностно-содержательного значения.

С нашей точки зрения, акцент следует сместить именно в эту плоскость, что отражено в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг., где всего один раз использовано слово «ювенология» в термине «со специалистами по ювенальным технологиям – медиаторами, психологами, социальными педагогами, социальными работниками».

В данном смысловом контексте ювенальность понимается широко и ассоциируется с методами не принудительно-правового, а воспитательного, корректирующего воздействия на несовершеннолетних детей, причем не обязательно категории потенциальных, реальных правонарушителей. С нашей точки зрения, концептуальное ядро Стратегии образуют положения, принципиально меняющие устойчивые представления о праве детей, о правах детей, об интересах детей в праве, о процедурах, о механизмах их реализации, не только взрослыми, но и несовершеннолетними детьми.

Данная концепция, определенным образом дезавуируя, деактуализируя ювенологическую формальную терминологию, по сути, наполняет ее смыслом все компоненты правовой, правоприменительной системности.

Следует заметить, что тактический прием терминологической «смены вех», осуществленный разработчиками Стратегии, позволил синхронизировать, обеспечить терминологическую унификацию с профильным международным правовым терминоведением и снять определенные озабоченности значительного числа противников идей ответственного родительства, дружественного к ребенку правосудия, системы пробации, системы примирения, реальной правовой субъектности несовершеннолетних детей, особенно подросткового возраста, – идей, отражающих тенденции фактической, а не формально-терминологической, ювенализации права, развитие правоприменительного потенциала, который защищает права несовершеннолетних детей, их интересы.

Ювенализации российского права, его гуманизации, демократизации и посвящены многие положения Стратегии. Безусловно, следует обратить внимание на недостаточно глубокую проработку смысла, содержания категориально-понятийных инноваций, используемых в тексте Стратегии. Рассмотрим некоторые из понятийно-терминологических конструкций.

Требует научного анализа содержание таких взаимосвязанных терминов, используемых в Стратегии, как «ответственное родительство» и «технологии помощи, ориентированные на развитие внутренних ресурсов семьи, удовлетворение потребностей ребенка и реализуемые при поддержке государства». Это актуальная и многогранная проблема, выходящая за пределы предметного поля настоящего исследования. Рассмотрим лишь ее некоторые аспекты. Термин «ответственное родительство» начинает активно использо-

ваться в международном праве, в различного рода международных рекомендациях, предметом которых являются проблемы защиты, обеспечения прав и интересов детей, в соответствующей юридической терминологии, применяемой в ряде современных, прежде всего европейских, государств. Он применяется в сфере теоретической правовой ювенологии, профессиональной лексике юристов, специалистов органов опеки и попечительства, социальных работников, социальных педагогов, детских, семейных психологов, журналистов, анализирующих актуальные семейные, молодежные, детские проблемы.

С нашей точки зрения, термин «ответственное родительство» призван отражать три группы феноменов их мышления и каждодневного поведения в статусе родителей несовершеннолетнего ребенка как ответственность: а) за формирование благоприятной семейной среды для развития, воспитания ребенка; б) за саморазвитие личностного, индивидуального потенциала ребенка как самостоятельного субъекта социальных отношений, а в зависимости от степени его возрастной, физической, психологической, интеллектуальной зрелости и как субъекта собственного права; в) за социализацию ребенка в семье, в родовом, поселенческом окружении, в широкой среде учебной и иной жизнедеятельности. Вероятно, значительная часть российских родителей не готова осознавать столь ответственную миссию и реализовывать ее.

Нельзя не замечать, что эта неготовность во многих случаях провоцирует неприязнь, весьма негативные реакции на практические действия соответствующих структур государства, институтов гражданского общества и даже средств массовой информации, освещающих данные проблемы по поводу каких-либо социальных, правовых, управленческих действий, направленных на повышение ответственности родителей за благополучное развитие, воспитание, образование, индивидуализацию, конструктивную социализацию своих детей.

Безусловно, подобный критический негативизм недостаточно ответственных родителей и тех, кто их поддерживает, распространяется и на то, что именуется ныне терминами «ювенальная юстиция», «ювенальное правосудие». В тексте Стратегии используется термин «технологии помощи, ориентированные на развитие внутренних ресурсов семьи, удовлетворение потребностей ребенка и реализуемые при поддержке государства» [1, ст. 2994].

С нашей точки зрения, редакция данного термина не совсем удачная, но он весьма актуален как с теоретической, так и с практической точки зрения. Данный термин отражает две группы проблем. Одна из них связана с повышением адресной результативности оказания государством той или иной материальной, правовой, социальной поддержки конкретных семей, которая должна способствовать развитию их внутренних ресурсов в направлении большей самостоятельности и меньшего государственного патернализма. В метафорическом смысле речь идет о том, что многим семьям с несовершеннолетними детьми следует давать не «рыбу», а удочку для того, чтобы трудоспособные члены семьи начинали думать и действовать – как самим обеспечивать «рыбное» и иное благополучие себя и своих детей.

Специалисты соответствующих государственных структур хорошо знают, что значительные объемы денежных средств, выделяемых для удовлетворения насущных потребностей несовершеннолетних детей, используются родителями для удовлетворения собственных, далеко не конструктивных, потребностей. А это значит, что нужно развивать соответствующие технологии такой государственной поддержки семьи с несовершеннолетними детьми, которая бы реально влияла на развитие внутренних ресурсов семьи.

Другая часть термина отражает проблематику удовлетворения потребностей ребенка при поддержке государства. В социалистических социально-гуманитарных науках уделялось большое внимание развитию закона или теории возвышающихся потребностей человека. Эта теоретико-идеологическая конструкция обосновывала внутреннюю детерминационную основу движения человека к развитому социализму и к

коммунизму. Потребности не просто развиваются, но они обогащаются, должны обогащаться новым содержанием, одновременно возвышая человека, делая его способным жить по принципу: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Идеологическую оболочку данной теории сдали в исторический, научно-познавательный архив, но сама вечная проблема потребностей и их удовлетворения не потеряла своей актуальности.

Потребности несовершеннолетнего ребенка, причем как конструктивные, так и деструктивные, находясь в диалектическом развитии, конкретизируются в его интересах и ценностных установках. Семья, родители, государство, соответствующие институты гражданского общества, сами дети участвуют и в развитии этих потребностей, и в их реализации. Но возникают далеко не праздные вопросы и не только теоретического характера – о каких потребностях должна идти речь? Кто должен определять их полезность для ребенка, для семьи, для государства, для гражданского общества? Кто? Как? С использованием каких ресурсов и механизмов их будет реализовывать?

Очевидно, что речь должна идти о развиваемой вместе с развитием ребенка системе конструктивных потребностей, критерии конструктивности которых вытекают из конструктивно-гуманистической природы ребенка, потребностей, осознаваемых, в той или иной мере, самим ребенком, его родителями, иными взрослыми, в той или иной степени участвующими в их реализации. В реальной жизни конструктивность, гуманистичность той или иной потребности осознается каждым субъектом, участвующим в их реализации или в создании условий для их реализации, по-своему, с субъективных позиций каждый определяет и приоритеты в их реализации. В условиях подобного плюрализма в каждом социуме, на каждом этапе развития общества, семейных отношений формируются определенные нравственно-правовые модели наиболее актуальных потребностей, на основе определенного консенсуса – компромисса между ребенком, его родителями, другими членами семьи, институтами публичного воспитания, образования, структурами государственной власти, управления, представителями заинтересованных общественных формирований гражданского общества.

В их структурах представлены физиологические, психологические, материальные, духовные, иные потребности модельно-актуального, конструктивно-гуманистического класса.

Определенная системность этих потребностей образует одно из фундаментальных оснований для их институционализации, узаконивания в соответствующих принципах, нормах права.

На международном уровне система модельно-универсальных потребностей несовершеннолетних детей, их модельно-универсальных интересов институционализирована в принципах, в нормах Конвенции о правах ребенка, в ряде других аналогичных международных документов.

Понимание сущности потребностей несовершеннолетних детей, способов их социально-нравственной модельной институционализации в общественном сознании в качестве значимых ценностей позволяет глубже, адекватнее понимать и механизмы их конкретизации в интересы детей и соответствующей институционализации в принципах, в нормах права.

Что касается ювенологии как комплексной науки о молодости, о развитии молодого поколения, в том числе и о теории ювенального права, то вряд ли разумно не заниматься их развитием, руководствуясь лишь социально-политической конъюнктурой текущего момента и приоритетами в идеологических, в идейных компромиссах.

С нашей точки зрения, следует продолжить дискуссии и разработку проблем соотношения концепции ювенального права, рассматривая ее в более широком контексте синтеза естественно-правовой и обновленной позитивистской парадигмы права и концепции права в интересах детей. Как нам представляется, предметное поле права в интересах детей значительно шире, чем предметное поле ювенального права. Ювенальное

право – это субъективное и одновременно объективное право несовершеннолетних детей, это те феномены правовой жизни ребенка в возрасте до 18 лет, в которых он участвует как человек, гражданин, личность, это его конкретные права, свободы, юридическая ответственность.

Право в интересах детей – это более широкое, предельно многоаспектное понятие, отражающее некую суммативную, часто слабо организованную совокупность норм конституционного, гражданского, семейного, социального, образовательного, уголовного права, иных его отраслей и типов, которые призваны обеспечивать процедуры, механизмы реализации институциональных, узаконенных интересов детей.

Литература

1. Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы. Утверждена Указом Президента РФ от 1 июня 2012 г. N 761 // Собрание законодательства Российской Федерации. № 23. 4 июня 2012.
2. Николаева Ю. В. Вопросы правовой защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2011. № 9. С. 16.
3. Всеобщая декларация прав человека. Ст. 1 // Справочное пособие по выполнению Конвенции о правах ребенка. 3-е изд., перераб. и испр. – ЮНИСЕФ, 2007. С. 727.
4. Конституция Российской Федерации, 1993. Ст. 2.
5. Сунцова Е. А., Юрчук В. С. Ювенализация государственной политики и российского законодательства в интересах детей // Вестник Московского университета МВД. 2016. № 7. С. 197.
6. Толстой В. С. Понятие ювенального права // Ювенальное право: учебное пособие для вузов / Отв. ред. В. С. Толстой, Д. А. Сумской. – М., 2011. С. 19.
7. Сунцова Е. А. Ювенальная юстиция и российская действительность // Россия, СНГ – Восточная Европа: состояние, проблемы развития, перспективы: IX Международная научно-практическая конференция студентов и аспирантов. – М.: МУ им. С. Ю. Витте, 2012. С. 23.
8. Юрчук В. С., Предеина И. В. Некоторые аспекты развития гуманистической направленности правосудия в отношении несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2015. № 3. С. 5.
9. Дорохов Н. И., Хиль Э. В. Современные подходы к определению понятия «юридическая ответственность» // Проблемы и перспективы развития современной науки: экономика, психология и право: Материалы Международной научно-практической конференции / Под. ред. Ч. Б. Далецкого, О. А. Овсяник, О. С. Мошарской. – М., 2014. С. 103–105.

The main approaches to the provision of juvenalization law in the Russian Federation

Vasiliy Stepanovich Urchuk, candidate of legal sciences, associate professor of department of theory and history of the state and right, Moscow Witte University

Mikhail Viktorovich Izmailov, candidate of legal sciences, Sciences Head of the Department "Criminal law", State humanitarian University of technology

This article discusses the main approaches to juvenalization law. The analysis of the modern legal enforcement practice in the field of juvenile justice to humanize juvenile justice children.

A brief historical review of formation and development of the "Juvenile Law" terms "Juvenile law." The article presents the different positions in terms of positive and natural law, as well as the problems of juvenile law, juvenile law, juvenile justice.

Juvenile is considered the terminology used by the legislator in the National Action Strategy for Children for 2012–2017 years.

Keywords: juvenalization law, juvenile law, juvenile law, juvenile justice, "responsible parenthood".